

СЕВЕР

Виктор СУСИ
БАЗАР, ВОКЗАЛ, МИЛИЦИЯ
повесть

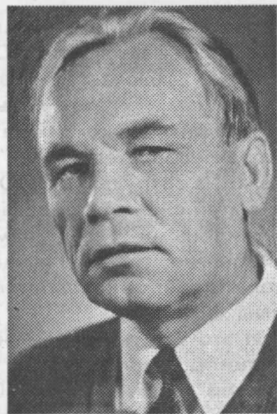
РАССКАЗЫ
Яны ЖЕМОЙТЕЛЬ
Надежды ВАСИЛЬЕВОЙ

ФИНЛЯНДИЯ И НОРВЕГИЯ В ОЧЕРКАХ
Эйно КАРХУ
Ренальда ШПИЛЬКОВА

12
1999

Эйно КАРХУ

Эйно Генрихович КАРХУ родился в 1923 году в Ленинградской области. Доктор филологических наук. Автор многих книг и статей по истории финской литературы, финско-русским литературным связям, фольклору и литературе Карелии. Член Союза писателей России. Лауреат Государственной премии Карельской АССР. Живет в Петрозаводске.

КУЛЬТУРНАЯ ГОРНИЦА КУХМО

(Очерки о культурной жизни финской провинции)

Кухмо — небольшой, благоустроенный и уютный городок на севере Финляндии, побратим карельского города Костомукша, от которого его отделяет менее ста километров.

Лет двадцать тому назад волостной центр Кухмо насчитывал всего две тысячи жителей. Статус города, обретенный в 1986 году, способствовал увеличению численности населения до восьми тысяч. Даже по финским масштабам это для города немного, и едва ли он получил бы такую известность, если бы не те культурные события, которые там происходят.

Вот уже в течение тридцати лет в Кухмо каждое лето, обычно в июле-августе, проводятся международные фестивали камерной музыки, на которые съезжаются выдающиеся музыканты из многих стран Европы и мира, равно как тысячи слушателей не только из Финляндии, но и из-за рубежа. В течение двух недель им предлагается до восьмидесяти концертов классической и современной музыки, по пять-шесть в день. Концерты посещаются по выбору, иные энтузиасты стараются побывать на всех. Общее число слушателей по проданным на фестивале билетам достигает пятидесяти тысяч. Билеты дешевле, чем в столичных концертных залах (по нашим российским меркам, цена все же довольно значительна — примерно двести пятьдесят рублей за билет), и люди охотно приезжают на эти выступления, в том числе из столиц, ибо воспринимают Кухмо как один из новых и весьма своеобразных центров современной европейской музыкальной жизни.

Для столь многочисленных концертов необходимы соответствующие залы, и ма-

ленький Кухмо успешно решает эту проблему. Например, Бах звучит обычно в довольно просторной приходской церкви, построенной еще во времена Элиаса Леннрота и содержащейся в отличном состоянии. Слушать величественную музыку Баха под сводами храма вполне естественно.

Но фестиваль, став традиционным, потребовал и других концертных помещений. Летом 1993 года в Кухмо состоялось торжественное открытие современного здания нового культурного центра с большим залом на 668 мест и малым — на 90, а также с восемью классами для местного музыкального училища, балетной студией, репетиционными помещениями, артистическими уборными, административными кабинетами, пресс-центром для журналистов и кафе-рестораном для публики. На фестивали приезжают десятки журналистов и музыкальных критиков, на пресс-конференциях говорят на четырех-пяти языках, и, к моему удивлению и в хорошем смысле зависти, женщина, которая вела эти конференции, свободно владела всеми этими языками. Когда видишь сверкающую новизну помещений, слышишь разноязыкий говор сотен людей, трудно поверить, что все это происходит в маленьком провинциальном городке.

Правда, в скромном краеведческом музее Кухмо, расположенном, словно по контрасту с современным культурным центром, в старом деревянном доме местного купца вековой давности, его заведующая сказала мне, что после двухнедельных летних музыкальных фестивалей жизнь в городке затихает, вступая в привычное и более прозаическое будничное русло.

Тем не менее культура в Кухмо не только

сезонное явление и не для одних приезжих музыкальных гурманов, но и для местных жителей, о чем свидетельствует, в частности, роскошное здание библиотеки, которым город обзавелся в 1988 году. Оно для всех возрастов, начиная с зала для самых юных читателей, где раскрашенные книжки сочетаются с яркими игрушками. Современная финская архитектура, в том числе при строительстве общественных зданий, имеет строго функциональную направленность. Новые библиотеки во многих финских городах спланированы так, чтобы наряду с технической оснащенностью в них было много света и простора, возникала бы атмосфера воздушности и гармонии с природой. Зачастую та стена общественного здания, которая обращена к живописному озеру Ламмасъярви, воздвигается сплошь из стекла — этот принцип в Кухмо соблюден при строительстве культурного центра. В прибрежный ландшафт "вписана" и библиотека. Ее книжный фонд составляет 120 тысяч томов при одиннадцати штатных сотрудниках. Библиотека обслуживает не только горожан, но и окрестные населенные пункты, для чего имеются два оборудованных библиотечных автобуса с регулярными рейсами. Общее число книговыдач в год достигает 450 тысяч, что для скромного города и волости немало.

Примечателен Кухмо еще одним учреждением, возникшим в середине 1980-х годов. Оно именуется по-народному: Культурная горница Кухмо и занимается в основ-

ном изучением, сохранением и пропагандой народной культуры. Слово "горница" — русское заимствование в карельском языке, и уже из карельского языка оно перешло в название. У Культурной горницы Кухмо тесные связи с Беломорской Карелией, рунопевческими деревнями, карельскими писателями, художниками, музыкантами, артистами. Этой осенью Культурная горница переезжает в новое, специально спроектированное и построенное для нее здание с мифологическим названием "Юминкеко", заимствованным из народной песни. Это весьма современное, технически оснащенное здание, но в согласии с народным зодчеством оно построено целиком из дерева, обработанного опять-таки по народным традициям. Например, бревна сруба обтесаны плотничьим топором, а не опилены на станке — так они, по мнению знатоков, в несколько раз прочнее и долговечнее.

Большинство проектов осуществляются, как правило, стараниями энтузиастов, и Кухмо в этом отношении посчастливилось. Если музыкальным фестивалям положил начало тридцать лет тому назад Сеппо Киманен, тогда еще совсем юный студент-виолончелист, который и поныне остается их художественным руководителем, то Культурная горница обязана своим возникновением двум другим жителям города — супружеской паре Сирпе и Маркку Ниеминен. О них и пойдет мой рассказ в первую очередь.

ОТКУДА ПРОИЗРАСТАЮТ КАРЕЛЬСКИЕ КОРНИ

Первые мои встречи с Сирпой и Маркку Ниеминен случились еще лет двадцать тому назад в Петрозаводске, потом в 1986 году они пригласили меня на несколько дней в Кухмо, а в июле 1999 года во время музыкального фестиваля я снова провел неделю вместе с ними и имел возможность основательно побеседовать по многим вопросам, даже записал эти беседы на магнитофон.

Оба они принадлежат к первому послевоенному поколению — Маркку родился в 1945, Сирпа в 1946 году. К тому же Сирпа — уроженка южной части финляндской Карелии, родительская семья жила в селении Лаурикала, которое теперь входит в город Лаппеенранта. Там Сирпа училась в городской гимназии и, будучи уже в последнем классе, познакомилась с Маркку, отбывавшим в тех краях армейскую службу. Сирпа рассказывает, что по тогдашней школьной морали гимназистке даже в 19—20 лет не полагалось думать о замужестве — дирек-

тор и учителя были против ее помолвки с Маркку. Но любовь взяла верх, и в 1966 году они поженились. Сирпа считает, что интересно всему карельскому прививался ей с детских лет естественным путем — семейной атмосферой, сознанием того, что она родилась и выросла на карельской земле. Ее родители были обычными людьми, мать почти всю жизнь проработала продавщицей, в сфере услуг была занята и отец, рано умерший. Сирпа стала первой в роду, получившей высшее образование.

С Маркку и его родителями все складывалось сложнее и драматичнее. Отец и мать, Сакке и Элви Ниеминен, впервые встретились тоже на карельской земле, но не в финляндской Карелии, а на оккупированной во время войны территории по другую сторону государственной границы. Их обручение и свадьба состоялись в селе Паданы Медвежьегорского района, где они находились на службе у оккупационных властей. В их обя-

занности входила работа с гражданским карельским населением.

В 1992 году Маркку Ниеминен опубликовал документальный биографический роман, посвященный военному периоду жизни своих родителей. Книга открывается посвящением: "Моей матери, моему отцу и дружбе народов посвящаю". Слова о дружбе народов здесь вовсе не формальная дань популярным политическим декларациям, они имеют в данном случае очень конкретный и серьезный смысл, соотносясь непосредственно с содержанием книги.

Книга озаглавлена "Отцы в Финляндии, сердце в Карелии" и представляет собой своего рода спор "отцов и детей", послевоенного поколения с предшествующим. Спор касается традиционного и стародавнего интереса финнов к Карелии, который может быть, однако, двояким: посещать ли Карелию, как это делали еще Элиас Леннрот и многие финские поэты, художники, музыканты, с культурными и научными целями или же приходить в Карелию незваным гостем в качестве оккупанта и "освободителя" ради осуществления "великофинской идеи" и соответствующего воспитания местного населения? Финская культура XIX—XX веков многим обязана карельской народной культуре — не лучше ли продолжать леннротовскую традицию эпохи финского национального возрождения, изучать и беречь ценнейшее культурное наследие?

Роман Маркку Ниеминена — очень честная книга, потребовавшая от автора известной мужества, большого такта и нравственной меры. Сын берется судить о своих родителях и судит со строгостью, но также с любовью и пониманием того, что само время было совершенно другое, когда даже очень неглупые и образованные люди поддавались опасным поветриям.

В книге использовано множество самых разнообразных документов — как официальных, так и из личного архива родителей: дневники, письма, их газетные статьи военного времени, армейские приказы и секретные инструкции оккупационных властей, касающиеся гражданского населения. Автор встречался также с участниками партизанского движения в Карелии, особенно в районе Падан, беседовал с теми людьми, кто безвинно пострадал уже от советских властей только за то, что не по своей воле оказался в оккупации в силу обстоятельств.

Поскольку доступ ко многим архивным документам военного времени, особенно для иностранца, оказался чрезвычайно трудным, потребовалась уйма времени, и книга писалась в течение восьми лет. Помощь в сборе документов в карельских архивах и

организации встреч с нужными людьми, пережившими оккупацию в Паданах и других районах Карелии, автору оказали писатели республики — Яакко Ругоев, Ортье Степанов, Дмитрий Гусаров, и в книге им выражена благодарность.

В Паданах лейтенант Сакке (или Саул в первичной библейской форме) Ниеминен служил армейским священником и так называемым "офицером-просветителем" (*valistusupseeri*), но имел дело преимущественно именно с гражданским карельским населением. Он был еще очень молод, до войны успел получить в университете богословское образование, интересовался журналистикой, писал стихи. Элви, его сотрудница и будущая жена, продолжавшая еще учиться в университете и периодически ездившая в Хельсинки сдавать экзамены, тоже не была лишена литературных интересов. Из дневников и писем явствует, что это были одаренные и образованные люди, умевшие выразить свои мысли и чувства. Они любили Карелию, можно сказать, фанатической любовью, говорили и писали только о ней, клялись в преданности и готовности служить ее благо до конца жизни.

Но, подобно многим финским интеллигентам той поры, оба они были навсего пропитаны великофинскими идеями, в духе которых романтизировали и прошлое, и будущее Карелии и с которыми совершенно не согласовывалось ее настоящее. Люди на оккупированной карельской земле вовсе не напоминали героев и героинь "Калевалы", да и особого "родства" с оккупантами и оккупационным режимом они тоже не чувствовали. Древнее культурно-языковое родство еще не означало государственно-политического единения, на чем настаивали тогда великофинские идеологи. Впрочем, тому, что такое было вообще возможно, не следует уж слишком удивляться — ведь аналогичный лозунг "освобождения и единения родственных народов" был использован во время зимней войны 1939—1940 годов и советскими идеологами в качестве официально провозглашенной правительственной доктрины, попыткой реализовать которую стало создание Карело-Финской ССР.

Как и всякое фанатическое движение, великофинская идеология стремилась подчинить себе всю духовную жизнь общества — религию и церковь, мораль и политику, фольклор и мифологию, образование и культуру.

Богослову и священнику полагается во всех земных делах взывать к воле Божьей, и военный пастор Сакке в романе осуществляет это на свой особый манер. В его созна-

нии религия всецело идеологизирована и политизирована, она стала частью милитаристской пропаганды. Даже само слово Бог пастор пишет в своих дневниках и письмах не полностью, а сокращенно — не Jumala, а Jla — видимо, по примеру сокращенных обозначений армейских корпусов и дивизий, штабов и оккупационных учреждений.

В прошлом, да и в наше время, религию ведь часто использовали и продолжают использовать в государственно-политических и военных конфликтах весьма по-разному. Когда во время войны я впервые увидел на металлических пряжках гитлеровских солдат выданные слова: "Gott mit uns" — "С нами Бог", я был немало удивлен. Хотя к тому времени меня успели уже отучить от веры в Бога, привитой матерью в раннем детстве, но спекуляция фашистов именем Бога казалась кощунственной. Война и христианская религия с ее заповедью "не убий" трудно совместимы в моем сознании, и странным кажется, что и сегодня ритуально освящаются военные корабли и ракетные установки, как, впрочем, и банки с фешенебельными ресторанами.

В своем документальном романе Маркку Ниеминен не скрывает, что он атеист, но вместе с тем признает гуманистическую роль христианской этики. Когда же церковные деятели связывают себя с войнами и насилием, предствление о едином и справедливом Боге неизбежно становится ущербным уже потому, что на высшую справедливость претендуют обе воюющие стороны. Применительно к военным пасторам в романе Маркку Ниеминена говорится о "лжемессиях" в роли политизированных и идеологизированных истолкователей божественных истин. В книге есть фантастический эпизод объяснения святого Петра с Богом на небесах, приуроченный как раз к кровавым войнам на земле. Святой апостол сетует на то, что у райских врат скопилось слишком много убитых, а ведь они убивали на войне друг друга, кого же из них признать правыми и кого нет? Всевышнему в эпизоде тоже затруднительно ответить на этот вопрос. Оправдать убийство ни с чьей стороны невозможно, как невозможно оправдать и правителей. Истин-

ная вера не подвластна политикам и стратегам, их авторитет не оправдывает участия в убийстве, каждый самолично ответствен перед Богом и своей совестью.

Цели великофинских идеологов не были достигнуты, и для них это стало трагедией. В романе рассказывается о том, что еще в конце 1943 года финским командованием был разработан секретный план на случай вынужденного отхода войск с занятых территорий и эвакуации оккупационных учреждений. Просачивались слухи о якобы начавшихся мирных переговорах между финскими и советскими представителями. Как общала Элви в своих письмах из Хельсинки в феврале—марте 1944 года, слухи эти особенно усилились среди населения под воздействием бомбардировок столицы советской авиацией. Но Сакке, как и сама Элви, реагировал на слухи по-своему: жителей столицы и готовых на вынужденные переговоры правителей он считал людьми слабо-нервными и малодушными, настоящие герои должны были стойко сражаться на фронте, и следовало молить Бога, чтобы он отвратил всякие переговоры. А когда перемирие было все-таки заключено, он назвал это "якобы миром", после которого борьба будет продолжена. И фанатичный Сакке опять-таки ссылается на то, что такова всевышняя воля, что поражение — только Божье испытание на пути к предуготованной конечной победе.

Эта фанатичная и одновременно весьма прагматическая вера накладывала особую печать на "карелианизм" великофинских идеологов. В послевоенных финских условиях им необходимо было противостоять, распространенными в литературе стали идеи пацифизма.

Случилось так, что свой документальный роман Маркку Ниеминен опубликовал только в 1992 году, причем в петрозаводском издательстве, но влиять ему хотелось прежде всего на финскую общественность, в том числе провинциальную, которая, по его наблюдениям, нередко упорствует в своем консерватизме, тяжела на подъем.

Так жизненные дороги привели Сирпу и Маркку Ниеминен в Кухмо.

В СОСЕДСТВЕ С КОСТОМУКШЕЙ И КАРЕЛЬСКИМИ РУНОПЕВЧЕСКИМИ ДЕРЕВНЯМИ

До Кухмо была еще учеба. Основав молодую семью, Сирпа и Маркку тем не менее продолжали учиться и провели положенное количество лет в Хельсинкском университете. Сирпа интересовалась филологическими дисциплинами, фольклором и литературой.

Маркку учился на факультете общественно-политических наук, слушал лекции по социологии, социальной психологии, но также по педагогике, литературе, киноведению. После окончания университета в 1971 году Маркку с семьей в течение трех лет оставался еще в

Хельсинки, занимаясь кинематографией. Как известно, снимать фильмы дорого, изысканные денег оказалось делом трудным, и Маркку вынужден был найти другую работу, хотя интереса к кино не утратил до сих пор. Покинув в 1973 году Хельсинки, он почти десять лет проработал школьным учителем на севере Финляндии — сначала в Хирвенсалми, затем в Туусниemi, а с 1977 года в Кухмо, где живет до сих пор, правда, не в самом городе, а в четырнадцати километрах от него, в специальном доме для учителей при сельской школе, где он прежде работал. Место очень красивое и тихое, жилье удобное и вполне современное, рядом озеро, дороги и средства передвижения в полном порядке. Здесь Маркку, наряду со множеством других занятий и обязанностей, увлекся литературным творчеством, выпустил ряд художественных книг и антологий, а с 1986 года и вовсе перешел на положение свободного художника, получая время от времени государственные гранты в поддержку своего материального положения. Энергичная Сирпа ведает непосредственно Культурной горницею в Кухмо и ежедневно ездит туда на работу.

По рассказам Сирпы и Маркку, весь северный округ Кайнуу вместе с Кухмо и его окрестностями переживал в момент их приезда туда очень сложное время. Когда-то, даже еще в начале XX века, редконаселенный округ Кайнуу считался самым нищим и голодным краем в Финляндии — таким его описали тогда в своих романах Илмари Кианто и другие писатели. Даже к началу 1970-х годов край оставался еще экономически слабо развитым; преобладало довольно примитивное мелкокрестьянское сельское хозяйство, крестьянские семьи по традиции были многодетными, подрастающая молодежь не находила работы ни на земле, ни в лесу. Избыточная рабочая сила стала особенно ощутимой, когда и этот край охватила модернизация сельскохозяйственного и лесопромышленного производства. Безработица превысила тридцать процентов, сотни людей в районе Кухмо бросали свои мелкие усадьбы и эмигрировали в Швецию, Канаду, Австралию. Высокая безработица сохранялась даже в первые годы строительства Костомукши, где многие из Кухмо нашли работу, а без Костомукши, уверяет Маркку, процент безработных достиг бы пятидесяти.

Все это объясняет то значение, которое имело участие в строительстве Костомукши для тысяч жителей Кухмо, Каяни и других пограничных районов. Костомукша поражала масштабом и интенсивностью строительных работ. Новый город вместе с горно-обогательным комбинатом был построен за восемь лет. Работы велись на современной-

шем техническом уровне, с финской стороны в них были заняты преимущественно молодые специалисты в возрасте 20—30 лет. Помню, когда осенью 1984 года управляющего объединением "Финнстрой" на встрече с финскими и карельскими учеными спросили, почему у них все кадры — от проектировщиков до монтажников — столь молоды, он ответил, что новые технологии легче осваиваются именно молодыми.

"Финнстрой" объединял более десятка финских строительных фирм. Строительство комбината и города велось в несколько очередей. Советско-финляндское соглашение о строительстве было подписано 31 октября 1973 года, сначала предстояло проложить десятки километров асфальтированных подъездных дорог, железную дорогу, подземные коммуникации будущего города, затем приступить к возведению жилых домов, детских садов, школ, магазинов, Дома культуры. В зависимости от характера работ и устанавливаемого оборудования финские специалисты менялись. Пиком финского участия в строительстве стал 1979 год, когда в Костомукше одновременно было занято до четырех тысяч финских строителей. Только из Кухмо, города и волости, в разное время в Костомукше работали более трех тысяч человек. Производственный процесс был организован таким образом, что в Костомукшу выезжали из дома на автобусах либо на личном транспорте в понедельник на целую неделю, работали зачастую по двенадцать часов в день, жили и питались в хорошо оборудованных временках, а в пятницу вечером уезжали на субботу и воскресенье домой.

Именно в период наиболее интенсивного строительства Костомукши убыстренными темпами строился и волостной центр Кухмо, ставший городом, население которого менее чем за десять лет увеличилось в четыре раза.

Наблюдалась еще одна общая черта между двумя северными пограничными городами, будущими побратимами. Известно, что молодой город Костомукша был на первых порах и в отношении своих жителей очень молодой — их средний возраст не превышал тридцати лет. Основавшиеся в Кухмо финские строители Костомукши тоже были молодыми и внесли существенные изменения в возрастной состав его жителей.

Между финскими и советскими строителями Костомукши установились производственные контакты, однако в области культурного и элементарного человеческого общения дело обстояло не так просто. Особенно на первых порах общения было мало, с советской стороны оно официально не поощрялось. Прямое сообщение между Кухмо и Костомукшей для туристов тогда еще отсут-

ствовало. Маркку и Сирпа Ниеминен рассказывают, что свои первые поездки из Кухмо в Костомукшу с культурными целями им приходилось совершать через Выборг — Ленинград — Петрозаводск. Нечто подобное происходило тогда при поездках и с советскими гражданами: из Петрозаводска в служебные командировки в Хельсинки ездили через Москву и таким же кружным путем возвращались, ибо только в Москве выдавали заграничные паспорта, визы, валюту и там же полагалось отчитываться за поездку.

А по финскую сторону границы, как считают Сирпа и Маркку, у жителей Кухмо отсутствовала информация о их непосредственных соседях, о том, каким культурно-языковым родством они с ними связаны исторически и как история этого родства изучалась выдающимися представителями науки.

Еще со времен Элиаса Леннрота селение Кухмо вошло в историю финской культуры тем, что через него лежал путь к карельским рунопевческим деревням. Это был последний опорный пункт на финской стороне, после которого начиналась Виэна, Вокнаволокская волость, северная часть Восточной Карелии, входившая в тогдашнюю Архангельскую губернию. Впрочем, Маркку Ниеминен уточняет: первые селения Виэны начинались еще на финской стороне. Условной этнокультурной границей в историческом плане считается небольшая река Иордан — название, видимо, библейского происхождения. Так же называется озеро неподалеку, а на пригорке расположена деревня Римми. Традиционных карельских строений там уже нет, их собираются восстановить. К Виэне принято относить и некоторые пограничные деревни соседней волости Суомуссалми.

Все это было хорошо известно Леннроту, в его время жители по обе стороны границы общались между собой. Граница между автономной Финляндией и Архангельской Карелией была во многом условной, коробейники из Вокнаволока пересекали ее без особых трудностей, хотя для экспедиционных поездок ученых требовалось оформление паспорта. В советское время граница накрепко закрылась и для пограничных жителей, они практически ничего не знали друг о друге. В эпоху Леннрота открытие карельских рунопевческих деревень стало культурным событием огромного значения, приведшим к созданию "Калеваль", к настоящему культурному паломничеству в Виэну многих выдающихся людей. Полтора столетия спустя для жителей Кухмо рунопевческие деревни по ту сторону границы предстояло открывать заново, пояснять, что там и поныне живут карелы, говорящие на родственном, понятном финнам языке.

Маркку и Сирпа рассказывают, что, когда по их приглашению в Кухмо впервые стали приезжать карельские писатели — Яакко Ругоев, Ортье Степанов и другие, слушатели с удивлением спрашивали, откуда они, люди вроде бы с русскими фамилиями, научились говорить по-фински? А строители Костомукши из Кухмо на вопрос, где они работают, обычно отвечали: в Советском Союзе, в России, без упоминания Карелии. Слово "Карелия" означало для них только финляндскую Карелию, но не Восточную Карелию, о которой они ничего не знали.

Сказывался также политический консерватизм значительной части населения, в том числе муниципальных чиновников. Памятными были враждебные пограничные отношения начала 1920-х годов, затем события зимней войны 1939—1940 годов и последующей войны 1941—1944 годов. Сохранялось недоверие к соседям, к общению с ними не стремились. Это касалось не только Карелии и карельской культуры. Организаторам фестивалей камерной музыки в Кухмо тоже пришлось на первых порах преодолевать инертность местных властей. Отношение городского руководства к культурным начинаниям, в особенности к установлению связей с карельской культурой, стало меняться после того, как муниципальную администрацию в Кухмо возглавил в начале 1980-х годов Вейкко Тикканен, оказавший содействие в получении финансовой помощи. При его поддержке была основана и Культурная горница.

Свою первую поездку в Карелию Маркку и Сирпа Ниеминен совершили в 1979 году. Правда, дальше Петрозаводска и Кондопоги им добраться тогда не удалось, хотя намерение было посетить также северные рунопевческие деревни. Зато в Петрозаводске они впервые встретились с писателями, редакторами газет, журналов, побывали на постановках Национального театра и на концертах. Это дало им представление о профессиональной культуре Карелии — литературе, музыке, театре, изобразительном искусстве, музеях, учебных заведениях и научных институтах. Они укрепились в мысли, что со всем этим необходимо ознакомить и жителей Кайнуу, особенно сопредельных пограничных районов, где о культурной жизни соседей знали очень мало.

Так возникла идея создания в Кухмо постоянного информационного центра, главной задачей которого стало бы распространение среди местного населения многообразных сведений о народной и профессиональной культуре Карелии, причем информация должна была сочетаться с развитием непосредственных культурных контактов.

КУЛЬТУРНАЯ ГОРНИЦА

Праздничное открытие Культурной горницы состоялось 24 марта 1985 года. Помимо личной инициативы Сирпы и Маркку Ниеминен ее созданию и успешной деятельности в начальный период способствовал ряд обстоятельств. Этот год был юбилейным годом 150-летия первого издания "Калевалы", неотъемлемо связанной с Карелией и ее народной поэзией. Торжества проводились повсеместно как в Финляндии, так и в Карелии. Культурной горнице оказало поддержку общество "Финляндия — СССР", местное отделение которого в Кухмо тогда возглавлял Маркку Ниеминен. Он получил также поддержку представителей советского посольства в Хельсинки, с которыми установилась связь. Их поддержка по официальным каналам сыграла особую роль в том, что именно Кухмо стал побратимом Костомукши, а вскоре между обоими городами открылось прямое сообщение и отпала необходимость добираться друг к другу кружным путем. Постепенно совершенствовалась визовая система, для постоянного общения в обиход вошли многоразовые и долгосрочные визы. Стали доступными поездки непосредственно в карельские рунопевческие деревни с последующей организацией культурного туризма по разработанным маршрутам.

Уже первый год существования Культурной горницы был насыщен разнообразными культурными событиями. Кухмо посетили карельские писатели Ортье Степанов и Дмитрий Гусаров, а также представители редакции журнала "Пуналиппу" Калле Ранта и Пекка Мутанен, редакторы советско-финляндского журнала "Мир и мы" Осмо Хелин и Евгений Железнов. При содействии Культурной горницы состоялись гастроли ансамбля "Кантеле", приезжали актеры Петрозаводского Национального театра. В последующие годы в Кухмо побывали с творческими целями известный карельской скульптор академик Лео Ланкинен, участники вокальной группы "Манок", руководительница танцевальных коллективов Виола Мальми, вскоре создавшая в Петрозаводске свою "Карельскую горницу". С "Калевалой" были связаны приезды в Кухмо латвийского ее иллюстратора Мариана Осмоловского и вьетнамского ее переводчика Буй Вьет Хоана. В Кухмо и Кайнуу демонстрировалась выставка детского рисунка по мотивам "Калевалы" из Карелии, а также ряд фотовыставок по карельской культуре.

Приглашались финские специалисты по "Калевале", карельскому фольклору, карельским народным диалектам. В Кухмо

приезжали с лекциями профессор Вяйне Кауконен, академик Пертти Виртаранта, заведующий фольклорным архивом Общества финской литературы Пекка Лааксонен. Напомним, что за особые заслуги в изучении карельской культуры Вяйне Кауконен и Пертти Виртаранта, оба теперь уже покойные, были удостоены звания почетного доктора Петрозаводского университета.

В 1991 году был повышен официальный статус Культурной горницы Кухмо — она стала именоваться культурным обществом (säätiö) со своим правлением, в которое вошли с финской стороны Маркку Ниеминен (председатель), Пертти Виртаранта (его заместитель), Пекка Лааксонен и с карельской стороны художник Виталий Добрынин. Параллельно в северном карельском районе Калевалы создано Общество Архипа Перттунена для совместной и взаимно согласованной культурной деятельности, особенно касающейся сохранения и восстановления рунопевческих деревень.

Как с финской, так и с российской стороны эта культурная деятельность получила официальное признание властей. Финансовую поддержку Культурной горнице оказывает не только городская администрация Кухмо, но и министерство образования Финляндии. Помощь приходила также от некоторых культурных фондов, в том числе международных.

Культурная горница и Общество Архипа Перттунена выступили инициаторами по разработке ряда проектов, из которых самым важным является обширный и долгосрочный проект под названием "Рунопевческие деревни Визны". Он нацелен на то, чтобы сохранить историко-культурную ценность всего региона, на территории которого расположено до полутора десятков деревень, откуда вышли самые знаменитые рунопевцы, лучше всего сохранившие карельскую фольклорно-эпическую традицию. Проект рассчитан на 2000—2004 годы, он был одобрен еще в 1993 году ЮНЕСКО, дело за практическим его финансированием. Средства потребуются немалые, ибо проект весьма многогранен. Он включает реставрацию и приведение в надлежащий порядок многочисленных строений — крестьянских изб и хозяйственных построек, церквей и часовен, школ и общественных зданий, все в традиционном народном стиле, характерном для данной местности. Необходимо по возможности сохранить либо восстановить исторический ландшафт — обширные леса, рыбные озера и реки. В то же время предполагается связать полузаброшенные, частично

уже не существующие лесные деревни сетью современных дорог, провести электричество, помочь молодым карелам, потомкам прежних крестьян, основать в деревнях крестьянские хозяйства, предварительно обучив их современным методам агротехники. Следует подготовить также воспитателей детских садов и преподавателей школ, чтобы воспитание и преподавание велись на родном языке.

В 1995 году Маркку Ниеминен издал книгу "Рунопевческие деревни Визны", назвав ее в подзаголовке "культурным путеводителем". В книге сжато изложена историко-культурная информация о каждой из деревень, о крупнейших рунопевцах и собирателях фольклора, побывавших там в XIX и начале XX века, о нынешнем состоянии деревень и возможных путях их возрождения. Как истинный энтузиаст, автор полон веры в осуществимость задуманного, для него все в этом рунопевческом крае свято и должно быть сохранено — язык, бытовые традиции, постройки, леса вокруг, ибо после их сплошной рубки это будет уже не историческая Визна, а нечто похожее на лунную поверхность, увиденную с космического корабля. Вот как пишет автор о лесах, которым угрожает вырубка: "В этих лесах живет самобытный дух рунопевческих родов вокнаволокских деревень и всего народа Визны. Эти леса — такая же составная часть мировой культуры, как и сам эпос "Калевала", чьи строки произросли и созрели здесь, подобно ягодам на лесной поляне. И этому лесному царству Тапиолы, таящему в себе все тайны древних закладных рун о "рождении вещей", все мифологическое богатство карел, угрожала в начале 1990-х годов чисто прагматическая жажда сиюминутной экономической пользы. Однако благодаря проекту возрождения рунопевческих деревень уже запланированные порубки были предотвращены и уникальный ландшафт в районе Визнансало будет сохранен как памятник карельской культуры, а лесом жители будут пользоваться в согласии с народными традициями".

Тем, кому эти традиции чужды, трудно их понять и оценить. Как-то лет десять тому назад я совершил поездку в Беломорскую Карелию, был в Вокнаволоке, Калевале и других тамошних деревнях. До поселка Калевала я добирался из Костомукши на попутном финском микроавтобусе — с десятком мужчин из сопредельных финских волостей ехали не впервые в гости к своим карельским знакомым. Дорога была в довольно плохом состоянии, по обе стороны простирались наводящие уныние бесконечные вырубки. Дорожную тряску пассажиры-отпускники скрашивали тем, что усердно угощались вы-

пивкой, а мне на всякий случай объяснили, что позволяют себе это лишь изредка, что они вовсе не пьяницы, а работающие люди, обычные земледельцы и оленеводы. У каждого из них в хозяйстве по 80—100 оленей, и, глядя на заросшие серебристым ягелем вырубки, они говорили: вот бы нам такие ягельные просторы! Некоторые из них не без хмельной удали хвастались, что на одном только сборе морошки зарабатывают весьма приличные деньги. Для них, северных жителей, все это были традиционные, унаследованные от предков трудовые способы добывания средств существования.

В поселке Калевала меня поселили в гостиничный номер с другим жильцом, который отрекомендовался инженером-производственником то ли из Москвы, то ли из Петербурга. Когда мы разговорились о трудном экономическом положении северного района и его жителей, мой собеседник произнес фразу, для меня неожиданную и несколько обидную: дескать, местные карелы настолько привязаны к своим традиционным занятиям и привычкам, что, кроме сбора ягод и грибов в лесу и ловли рыбы в озерах, им ничего вроде бы и не надо.

У Маркку Ниеминена совершенно иной, вполне уважительный подход к традиционным занятиям и привычкам коренных жителей Визны. Он не отрицает необходимость прогресса, но и прогресс может сочетаться с традициями. Он говорит, что сегодняшний карел вправе ездить в лес по грибы и на рыбные озера на личном автомобиле, но все же в его психологии время исчисляется еще по сезонному принципу — по грибной и ягодной страде, по тому, когда нерестится в озерах лещ или ряпушка. И в этом нет ничего плохого, пусть для него время течет в сезонно-циклическом ритме — ведь с этим ритмом связано и великое рунопевческое наследие его предков.

Реализация обширного проекта по сохранению рунопевческих деревень в полном объеме — дело будущего и требует, повторюсь, весьма солидных финансовых средств. Предварительные расчеты показывают, что на все, включая строительство современных дорог, потребуются десятки и сотни миллионов финских марок. Пока что средства изыскиваются по частям, в основном финляндскими же организациями, но с надеждой и на международную поддержку.

Кое-что делается уже сейчас. Несколько молодых семей переселились в прежде заброшенные деревни и ведут там крестьянское хозяйство, им оказывается помощь инвентарем. Строятся и реконструируются общественные здания — церкви и часовни, сельские музеи, постоянные дворы в тради-

ционном стиле. Помощь приходит, можно сказать, "с миру по нитке". Финская фирма согласилась электрифицировать одну пограничную деревню, радиоконпания "Юлейс-радио" передала в дар вполне исправную, но технически устаревшую для нее самой радиотрансляционную аппаратуру и т.д. На лажен культурный туризм — из Финляндии и из европейских стран через Финляндию. Из Кухмо в рунпоевческие деревни курсируют два автобуса, поездки длятся от двух до пяти дней. В деревнях организованы питание и ночлег в обычных крестьянских домах. Туристические поездки в Визну начались в 1995 году, и всего в том году состоялось 46 поездок с 513 туристами, из них 9 процентов составляли жители Кайнуу, 33 процента из Хельсинки и его окрестностей, 54 процента из остальной Финляндии и 4 процента из других стран. Туристические поездки продолжаются.

Одним из проектов предусматривается создание компьютерного банка данных о карельской культуре. Маркку Ниеминен де-

монстрировал мне в своем рабочем кабинете, как через систему "Интернет" информация о карельской культуре становится широко известной во многих странах. Компьютеризацией этой информации занимается его сын Отто, специалист в данной области. Электроника фиксирует и спрос на такую информацию — количество обращений к ней измеряется сотнями.

Технически более оборудованным и просторным информационным центром карельской культуры в Кухмо станет новое здание Культурной горницы. Его строительство профинансировало министерство образования Финляндии (стоимость около четырех миллионов финляндских марок). Здание задумано как соединение народных традиций и современных технических достижений. На площади 480 квадратных метров разместятся библиотека центра (с коллекцией финских и зарубежных изданий "Калевалы"), выставочный зал, кабинет для хранения, прослушивания и просмотра видео- и аудиозаписей по карельской культуре.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Преимственность культурных эпох, совмещение традиционного и современного — эта злободневная и отнюдь не простая проблема занимает Маркку Ниеминена и как писателя. В своих книгах он постоянно возвращается к ней, к разным ее аспектам. В только что вышедшем сборнике афоризмов и стихов "Мои слова" (1999) подчеркивается мысль о том, что и язык, на котором пишет писатель, есть совмещение традиционно накопленного и вновь привносимого, что он, язык, одновременно индивидуален и не индивидуален, "мой" и "не мой". По своему происхождению язык уходит в глубь веков, в историю народа. "Мои слова рождены не мной — они пришли издали, через длинную череду поколений. Они существовали и до меня и будут после меня. Я всего лишь заимствую их для моих надобностей. И в то же время независимые от меня слова нуждаются во мне, в нас — пользователях слов, ибо иначе они умирают. Слова живут во мне и через меня". Древнейшие из слов, продолжает автор, "пришли с Урала" — имеется в виду принадлежность финского языка к семье уральских языков. Чем древнее слово, тем оно весомее, жизнеспособнее, необходимое многим поколениям и выражает нечто общезначимое для них. Напротив, в новых словах мир слишком дробится, смысл рассеивается. Заостренное утверждение: "Чем современнее информационные технологии, тем беднее слова содержанием".

Почувствовать себя в гармоническом единении с целостным миром современной человек может лишь уединившись от повседневной суеты и вслушиваясь в ритмы самой природы. Писатель рассказывает, что обычно осенью он уезжает в лесную карельскую деревню, где ему хорошо пишется. "У меня нет ни часов, ни радио, ни электричества. Я встаю с восходом солнца и ложусь спать после захода, посидев немного у камелька... Именно от карел я научился жить по природным ритмам. Там, среди дремучих лесов, где человеческие тропы пересекают медведи, возникает чувство соприсутствия наедине со всем мирозданием".

Наверное, потребность в таком чувстве периодически возникает у каждого. В свое время я подружился с двумя карельскими женщинами-рыбачками и несколько раз ездил с ними на глухие лесные озера, где мы жили в рыбацкой избушке по две-три недели в полном уединении. Они были из села Ругозеро, но жаловались, что им там душно, и с ранней весны до поздней осени совершали свои рыбацкие походы. Они были уже почтенного возраста, и когда перед сном, уже лежа на нарах рыбацкой избушки, вспоминали о прожитой жизни, реальных событиях и людях, для меня их рассказы в той обстановке звучали как мифы, все получало особую значимость. Видимо, потому, что в течение нескольких недель мы оставались наедине перед лицом огромного мира, без посто-

ронних вторжений и опосредований, отчего обыденные события в рассказах обретали масштабность, напоминавшую грандиозность происходящего в мифах.

Можно заметить, что в своем литературном творчестве Маркку Ниеминен питает пристрастие к художественному экспериментаторству с категорией времени. В романе "Письма века" повествование ведется так, что в сознании героини Кайи Коскинен время движется как бы вспять, тогда как другой герой, художник Артту Вятяля, оказывается в "фаустовской ситуации": достигнув вершины творчества, он хочет "остановить мгновение", дабы оно длилось вечно. Но чародейство не помогает. Вне движения времени невозможны ни творчество, ни сама жизнь. После экспериментов со временем оба героя рады возвращению к обычному земному существованию.

В романе есть любопытная деталь: в Финляндии последних десятилетий вошел в моду аристократический и дорогостоящий вид спорта — гольф. По всей стране оборудовано до сотни полей для гольфа, членство в клубах гольфа стоит немалых денег, но чле-

нов уже десятки тысяч. В беседе я провокационно спросил у Маркку, не перекинется ли гольфовый бум и в Виизу для услаждения наиболее обеспеченных жителей Костомукши и не возникнут ли посреди рунопевческих деревень гольфовые поля? Маркку усмехнулся в ответ, веря, что до этого дело не дойдет, люди оценят ценность культурного наследия.

Совсем недавно средства массовой информации Карелии сообщили о проведенном у нас конкурсе архитектурных проектов по созданию этнокультурного центра в поселке Калевала. Предполагается, что это будет ансамбль зданий с учетом традиций народного зодчества и современных потребностей. Торжественная церемония закладки первого камня уже состоялась.

Можно надеяться, что карельский этнокультурный центр найдет формы сотрудничества с уже действующим центром в Кухмо, ибо у них общие цели.

Что же касается ежегодных фестивалей камерной музыки в Кухмо и аналогичных фестивалей в Костомукше, то об этом в следующий раз.